

выбирая удобную сидячую позу. Свесил ноги наружу, обернулся назад. Отец отошел от кабины, курил, изучал бумажку.

- Ну, че там у тебя еще интересного? – сказал я негромко Вовке.

Тот снова начал дергать дверь, но несильно. Перестал.

- Да, Петрович, пидор, заебал... - раздалось мрачно в ответ.

- Да что это тебя все заебали? – я беззвучно рассмеялся.

- Сука, вот он поступает как мудака... - Вовка нервно затоптался на месте. – Блять!

Я молчал. Еще раз оглянулся. Отец был на расстоянии и не мог слышать нас.

- Я вот когда своё получаю с поставщиков или еще откуда, всегда с Петровичем делюсь. И он тоже со мной делится всегда. Делился. Ясно, ему больше, он же директор. А это утаил! Бабки получил с одного такого же жулика, как и вы... – ощерился довольно Вовка, выпятил нижнюю челюсть и засмеялся ехидно. – А мне хуй сказал, а я узнаал!

Вовка тягостно вздохнул, мотнул головой, словно сбрасывая наваждение, и замолк.

- Ну, как-то не очень хорошо он поступил, все-таки вместе работаете, - слепил я пресную фразу в попытке поддержать его.

Вовка молчал, стоял, уперев руки в боки, и зло вращал глазами.

- В пизду! – вновь рубанул рукой он по воздуху. – Сдам этого пидора к хуям Папе! Тот его выгонит нахуй! А меня на его место! Стану директором, Рамзес!

Вовка резко схватил меня за запястье своей грубой клешней, сжал и эмоционально затряс руку. Вцепился второй рукой и затряс сильнее.

- Рамзеес!! Директором станууу!! – завыл протяжно он, маленькие и цепкие глазки радостно сверлили мои зрачки.

- Да я-то тут причем!? – улыбнулся я и стал отдирать пальцы Вовки от себя. – Руку-то отдай, оторвешь же!

Тот отцепился, отошел, вроде угомонился.

- Заебись! – ответил Вовка своим мыслям и жадно потер руки. – Так и сделаю!

Я обернулся. Отец уже не курил, просто стоял и явно ждал меня.

- Ну, чего? – кивнул я ему.

- Поедем? – предложил отец.

Я кивнул и глянул на Вовку. Тот намек понял.

- Ладно, езжайте, жулики! – добродушно отмахнулся Вовка, скалясь и хихикая. – Денег, небось, заработали за неделю! Да заработали, заработали! Смотрел я ваши продажи утром! Хм, не ожидал, хорошо продается все это ваше говно.

Я протянул Вовке руку, тот пожал ее, затем пожал отцу.

- Давай, пока, - кивнул я, Вовка развернулся и потопал к офисному зданию мимо крана, истекающего тонкой струйкой воды на знойный асфальт.

«Газель» взревела, обогнала идущего Вовку. Я привычно глянул в боковое зеркало, Вовка махнул мне рукой. Выехав из базы, мы притормозили на Т-образном перекрестке.

- А Вовка-то пасёт наши продажи, - сказал я.

- Все он там смотрит. Должен смотреть, - произнес отец и повернул вправо.

«Чистое небо» продолжало затягивать. Я не сразу сообразил, что способствовал этому изменившийся режим работы – она стала монотонной: утром на склад, погрузка, сначала в кузов товар для оптовых клиентов, позади для киоска; выгрузка товара в киоск, остальное в опт и после домой. За весь день где-то как-то два-три быстрых перекуса.

Зачастую я обходился стаканом чая с шоколадкой. Позже прихватывало желудок. Отец, каждый раз наблюдая мое скривившееся лицо, либо недовольно отворачивался, либо выговаривал за столь пренебрежительное отношение к своему здоровью. Я все понимал, но нравучений хватало на пару дней, и я снова принимался лопать шоколад плитками. Боли сразу возвращались и усиливались. Я уже мог похвастаться многими практическими знаниями желудочных болей – выкуренная сигарета их притупляла, бутылка пива жарким летним днем боли возвращала. Я стал возить с собой обезболивающий сироп и принимать на ходу. Он притуплял боль, но появлялось чувство рвоты, ощущения непроходимости и тяжести в желудке. Через два-три дня боли отступали, я забрасывал прием тошнотворного лекарства, и они возвращались. Я понимал, что веду себя глупо, но упорствовал в своем идиотизме. Мать упорствовала в своем – ее ссоры с отцом стали нормой и усилились до ожесточения. Через раз доставалось и мне.

- Ма, а что у нас есть поесть? – сказал я с порога квартиры вечером, рабочий день закончился, в желудке сосало и ныло, думалось только о еде.

- В холодильнике посмотри! Не маленький уже! – рявкнула мать, проходя из кухни по коридору мимо меня и отца.

«Не в духе», - понял я, разулся и пошел мыть руки. Что меня напрягало в работе, так это одежда. Поскольку приходилось делать все – и общаться с управленцами и носить товар, то одеться адекватно было сложно. Одеться под работы, значило выглядеть весь день как грузчик. Совсем непрезентабельно. Одеться в расчете на общение с «белыми воротничками», означало угробить нормальную одежду на первой же погрузке товара. Переодеваться посреди дня? В машине? Утопия. Мы старались лавировать, разделяли рабочие дни и дни встреч. Получалось неважно, почти всегда дни выходили смешанными. Приходилось одеваться как-то средне. Если зимой выручал снег, то в остальное время одежда пачкалась быстро. Мать ворчала о «нескончаемой стирке». Если скандал доходил до криков, и мать в запале отказывалась стирать, я или отец, говорили ей, что стирать будем сами. Заявление всегда имело обратный эффект – мать умолкала и принималась закидывать наши вещи в барабан стиральной машины. До следующего скандала.

Я открыл холодильник. Котлеты и макароны. Две кастрюли. Я потянул их наружу.

- Дай сюда! – мать грубо отпихнула меня и выхватила кастрюли из рук.

Я пожал плечами и пошел в душ, на ходу снимая с себя пыльную майку. Когда я вернулся, отец ужинал. Матери на кухне не было. Моя порция стояла на столе. Все как обычно – наскоро вываленные в тарелку слипшиеся еще в кастрюле вчерашние макароны и две котлеты сверху. Вид еды не вызывал желание.

- Че смотришь!? Ешь! – раздался позади раздраженный голос матери.

Мне не хотелось говорить ей поперек. Хотелось просто куда-нибудь уйти. Я знал куда. Пятничный вечер был моим спасением. Я налил чаю. Мать покрутилась на кухне и, не получив ответа, вышла. Затолкав в себя ужин, я натянул джинсы и уже через час был в центре. Проболтавшись пару часов там, после захода солнца я спустился в клуб. Народу внутри было уже достаточно. Я протиснулся к малой стойке. Толчая кругом, очередь за спиртным. Получив двойную «отвертку», я с полчаса протрепался с парочкой знакомых девушек. Народ все прибывал. Музыка грохотала. Я дрыгал коленками в такт. Хотелось выпить как следует. Я закурил. Сигареты помогали алкоголю. Коктейль растворился во мне, зародил эйфорию, и я направился в бар.

- То же самое!? – вопросительно глянул на меня бармен.

Я кивнул и оперся о стойку. Сзади пихались подвыпившие девушки. Через минуту с коктейлем в руке и оказался в потоке тел, понесшем меня в темноту танцпола. Там я сел на свободный стул и налег на коктейль. Я почти его прикончил, когда на танцпол вошла Аня. Я заволновался и тут же закурил. Аня была шикарна. Природа моего интереса к ней была чиста в своей первозданности как слеза – сильное физическое влечение. Знали мы друг друга зрительно и пересекались лишь в клубе. Я помнил, когда она пришла в клуб в тонком темно-синем свитере и черных джинсах. Свитер убийственно для мужского глаза обтягивал достоинства фигуры девушки. Копна мелко вьющихся рыжевато-русых волос длинными упругими густыми пружинками спадала чуть ниже ее плеч. Аня, ростом около метра семидесяти, была склонна к полноте, но ее фигура находилась в той форме, когда едва уловимая полнота делала девушку максимально манящей. Обтягивающий свитер демонстрировал во всей красе самый сильный ее козырь – грудь. Налитая высокая упругая грудь четвертого размера. Она выглядела пышущим гимном жизни и удовольствия. При каждом общении с девушкой мне стоило невероятных усилий смотреть ей лишь в глаза. Мой взгляд упорно стремился вниз. Я был готов смотреть на ее грудь вечно. И не только смотреть. Я хотел эту девушку. Она была словно создана для удовольствия. При виде Ани мой мозг разбивал паралич, и в нем оставалась пульсировать единственная непоколебимая мысль физического желания. Полные чувственные губы, широкая открытая улыбка, обнажавшая ровные и безупречные зубы, добивали мои жалкие попытки сопротивляться первородному зову плоти. Ее лицо было красиво. От уголков зеленых глаз при улыбке над скулами мимолетно разбегались тонкие морщинки, на чуть пухлых щеках появлялись милейшие ямочки, кончик языка игриво показывался меж рядами зубов. В такие моменты, загипнотизированный им, я медленно умирал. Аня это видела, знала и чувствовала. Она игриво посматривала на окружавших парней и, забавы ради, повторяла беспроегривую мимическую комбинацию с ямочками и языком. Разговаривая, она едва уловимо столь мило шепелявила, что я переставал воспринимать женскую речь без такого дефекта. Аня являла собой удивительную смесь невинного взгляда ребенка, неумелого кокетства юной девушки и сексуальной привлекательности физически зрелой женщины. Ощущая флюиды мужского интереса, она упивалась своей игрой. Парней либо трясло рядом с Аней, либо охватывал столбняк. Меня начало трясти.

Но, будто подчиняясь могучему закону Вселенной, стремившему все к равновесию, Аня оказалась бестолкова. Не глупа, а именно бестолкова. Пока Аня молчала и улыбалась, обласканная вниманием парней, все было прекрасно. Но стоило ей открыть рот, как шарм физической красоты улетучивался. Для меня – так точно. В эти моменты я завидовал тем, кто воспринимал девушек лишь с плотской стороны. Мне же упорно хотелось видеть в них нечто большее, чем просто обещание физического удовольствия. «Вот дуреха!» - подумал я, в первый раз услышав ее бессвязное кокетливое щебетание. В тот момент я так расстроился, что почему-то сразу перестал иметь на Аню всякие планы. Раз и навсегда она перешла в категорию красивых, но бесполезных дурочек. Но я продолжал ее хотеть. Невыносимое раздвоение – физиологически Аня манила, интеллектуально претила. Алкоголь! Он спасал и подсказывал выход. Водка с соком разжижала мой внутренний конфликт, и каждый раз, встречая в «Чистом небе» Аню и будучи в серьезном подпитии, я забывал обо всем и продолжал счастливо пялиться на ее грудь. И в этот раз все шло по обычному сценарию – я был пьян, Аня прекрасна. Мы поздоровались – она со мной, я с ее

грудью. Аня кокетливо улыбнулась, игриво провела кончиком языка по граням верхних зубов, я же, туповато оскалившись, открыто уставился куда хотел. Я нервничал, срочно нужно было выпить. Очень быстро внутрь меня попала еще парочка двойных «отверток». Алкоголь сыграл свою злую шутку, и случилось чудо – провал в памяти. Мое сознание прояснилось от алкогольного дурмана около часа ночи в самый интересный момент – я стоял на улице в нескольких шагах от входа в клуб и... целовался с Аней! Взасос! Жадно! Аня отвечала взаимностью. Я протрезвел почти сразу. Никогда прежде я не испытывал таких наслаждений от поцелуя. Окружающий мир перестал существовать, я закрыл глаза и провалился в ощущения.

Одни хорошо целуются, другие – плохо. Кто-то рад бы хорошо целоваться, да не может. Поцелуй тонких губ не радует, даже умелый. Такие губы жестки, удовольствия от них никакого. Средние и полные женские губы – обещание хорошего поцелуя. Но, не все умеют. Умение поцелуя идет от врожденной чувственности.

Аня умела. Ее чувственность через поцелуй проникла в меня и закружила голову. Большие мягкие пухлые вкусные губы, я будто насыщался из бездонного источника. И чем больше пил, тем большая жажда меня одолевала. Я впился своими губами в ее, все мои органы чувств слились в один – губы. В этот момент в моем мозгу вспыхнуло, и наши сознания объединились – я понимал ее мысли и чувствовал ее ощущения. Мы стали единым целым. Мы не целовались, мы жили поцелуем. Я вдруг осознал, что у нас для обоих идеальный поцелуй, и возможен он только между нами. Лучше не было и не будет. Какое бы движение я не совершал губами и языком, Аня мгновенно откликнулась на него так, как я желал, чтоб она ответила. С каждым движением ее губ и языка мне становилось приятнее. И это не было животное удовольствие плоти. Наслаждение взрывало мой мозг с каждым ее движением губ все сильнее. Я весь превратился в одно чувственное сознание. Каждая клетка моего тела наслаждалась Аней. Девушка умопомрачительно пахла. Мягкий запах свежести обволок мой рассудок и ввел в состоянии транса. Мои руки обняли Аню за талию, пальцы слегка погрузились в манящую мягкость ее тела. Чуть погодя мое желание повело руки выше. Я накрыл ладонью грудь Ани и чуть сжал ее. Грудь не помещалась в ладони, мягко и упруго поддаваясь моим ласкам. Я окончательно потерял счет времени.

Мы оторвались друг от друга лишь тогда, когда лично у меня уже распухли губы, их щипало невероятно. Я просто физически не мог больше целоваться. Плохо соображая, я вернулся с Аней в клуб. Спускаясь по ступенькам клуба вниз, пошатываясь и дебилно улыбаясь, я спросил у первого попавшегося парня время. Два часа ночи. Мы целовались целый час! Я был совершенно трезв, адреналин накрыл меня с избытком и убил алкоголь. Я был настолько опустошен физически и где-то в бесконечной высоте эмоционально, что тут же снова вышел на улицу и заплетающейся походкой побрел прочь. Ничего лучше со мной в тот вечер уже случиться не могло. Я плелся по улице нарочито медленно, все еще пребывая сознанием в поцелуе. Губы опухли и болели. Теплый летний ветер их мгновенно иссушил, и они покрылись легкой коркой. «Оно того стоило, - подумал я и улыбнулся. – А может, не такая уж она и дурочка?»

Я вышел из-за поворота и сразу увидел красные круги задних фар машины Эдика.

- Ну, че, как там в «Небе»? – спросил тот, едва я плюхнулся на соседнее сидение.

- Да зашибись!! – гаркнул я, не сдерживаясь в эмоциях. – Красивые девушки там с грудью четвертого размера и шикарными фигурами!

- Ооо...! – вытаращился на меня Эдик, и глаза его сразу замаслились.

- Есть сигарета!? – Произнес я, поковырявшись в своих карманах.

Эдик протянул пачку, я вытянул сигарету и закурил, мечтательно пустив струю дыма вверх мимо открытой настежь двери. Эдик принялся тянуть из меня детали похода в клуб. Интересовало его одно – снял ли я кого-то там или нет? Мое настроение не могла испортить даже такая скучная пошлятина, а похотливое поведение Эдика дополнительно забавляло, и я решил подыграть его мужскому эго. Выяснилось, что отношения к «бабам» у Эдика простое – должен быть результат, бабу надо трахнуть, а для любви у него есть девушка. Я все еще ощущал на губах вкус Ани. Потрогал их тыльной стороной ладони, губы горели и щипали. К тому же женщины сами с ним заигрывают, просят подвезти, а потом говорят, что денег расплатиться у них нет. И случается такое в неделю из пяти дней так в трех точно. Поддерживая разговор почти машинально, я назвал Эдика Казановой, и тот хвастливо заявил, что девушек у него было уже почти двести, и стал выпытывать эту цифру у меня. Мое сознание все еще плавало в невыносимо волшебном и долгом поцелуе. Контраст между моими эмоциями и суетливым восприятием женщин Эдика мне нравился. Я сказал, что женщин не считаю, и предпочитаю общение с девушками в отношениях, а если выходят случайные связи, то просто как факт. Ответ вызвал непонимание, и Эдик с удивлением во взгляде неловко умолк.

- Слушай, ну, а че, Иннка тебе совсем не понравилась? – сменил он тему.

- Да почему не понравилась... - слегка растерялся я, почти и забыл уже думать о той, а тут вопрос. – Понравилась, красивая девушка. Просто у нее же парень есть...

Я понимал, что если бы между мною и Инной вспыхнуло что-то сильное, то парень исчез бы сам собой, но не вспыхнуло, и я нашел спасение в ее несвободном статусе. Эдика это не смутило, он сказал, я девушке понравился, а с парнем они недавно разбежались, и Инна, выходит, сейчас свободна.

- Ааа, вон оно что! – протянул я, но сути такой факт не менял, Инна мне не очень-то и нравилась, хоть и была девушкой яркой и эффектной. Меня интуитивно напрягала ее внутренняя жесткость, расчетливость и почти холодный мужской аналитический ум. «С такой не расслабишься», - помнится, подумал я и добавил: Это – уже другое дело.

- Появилось желание увидеться!? – обрадовался Эдик.

- Что-то вроде того, - кивнул я, и Эдик предложил вчетвером поехать на речку – я, Инна, он и его девушка. И я зачем-то согласился.

Я нашел! Невероятно, но я нашел в оптовом журнале маленькое объявление в две строчки – производитель дешевого порошка из Липецка приглашал региональных дилеров к сотрудничеству. В объявлении значилась цена – самая низкая, какую я только встречал в подобных предложениях. И до Липецка было чуть более ста километров. Идеально!

У меня тут же начался коммерческий зуд, и я сунул объявление отцу под нос.

- О! – произнес он через минуту и принялся чесать под носом. – Это интересно!

- Звони! – сказал я.

Следующим днем 3 июля мы поехали в Липецк, купив полторы тонны стирального порошка, выгрузили их на складе и вернулись домой. Я наспех поужинал и сбежал на все выходные в «Чистое небо». Новый товар начали предлагать клиентам с понедельника. Из крупных фирм в бартер порошок согласился брать только «Оптторг». Эта фирма работала с полунцими райпо и сельпо, которые из-за вечной нехватки денег соглашались на товар почти по любой цене. Мы накрутили на порошок максимально, и дело пошло бойко – раз

в две недели мы катались в Липецк, а уже к концу лета – раз в неделю. Мы приловчились сразу выгружать всю машину в «Опторге», успевали возвращаться часам к пяти вечера. Склады базы работали до восьми, а товар принимали до шести. Раз мы припозднились и подкатили к складу «Оптторга» ровно в шесть. Кладовщица, тучная крупная женщина за пятьдесят, обладательница тяжелого, но справедливого характера, поворчала на нас для порядка и гаркнула вглубь огромного склада-ангара: «Так, где грузчики!?» В ожидании выгрузки я принялся слоняться подле машины, погода стояла тихая и теплая. Рядом курил отец. Мы перекинулись с кладовщицей несколькими фразами, терпение ее кончилось, она снова заглянула внутрь склада и крикнула: «Так, давайте, шевелитесь уже там, поставщик стоит, порошок привез! Чего расселись!?» На звук выползли два чумазых грузчика, взяли из кузова «газели» по коробке и понесли их в склад. Скоро коробки с краю кончились, и я запрыгнул в кузов и принялся подавать товар из глубины.

- Пррррраститутки!!! – донесся снаружи со стороны кабины голос, и послышался приближающийся звук знакомых шагов. Зная, к чему все это, я тихо засмеялся. Из-за края тента сначала показался погасший бычок папиросы, за ним закрученный лихо вверх чуб с заломленной на самый затылок кепкой, в кузов ко мне нырнула рука. Я пожал ее.

- Здравов! – буркнул нарочито серьезно Алексей Семенович, озорно подмигнул мне, расплылся в морщинистой резиновой улыбке и сунул голову в склад: «Прррраститутки, а!»

- О! Ты-то чего приперся!? – атаковала его тут же навстречу кладовщица.

- Я по делам! – не дрогнул Алексей Семенович.

- Да какие у тебя дела-то тут, а!? – засмеялась тетка. – Знаем мы твои дела!

Алексей Семенович, довольный услышанным повернулся ко мне, подмигнул.

- Виишь, знают! – сказал он, из-за бычка во рту зажевав слово «видишь».

- Иди уже, давай! – тетка наигранно серьезно выпихнула гостя из склада наружу и вышла следом сама. Алексей Семенович взял кепку за козырек, снял ее, надел, опять снял, и так несколько раз, пока не загнал ее обратно на самую макушку. Подмигнул мне.

- Какие дела? – уставился он на товар в кузове. – Чет новое привез.

- Нормальные дела. Да вот, - кивнул я на ближнюю коробку.

- Порошок какой-то, - присмотрелся Алексей Семенович. – Ох, твою ж мать!

- Пусть продают! – шутливо насел я на его претензию.

- Да пусть! Я-то что! – поднял тот обе руки вверх, пожал подошедшему отцу руку, брякнув привычное «Здравов!», тут же переключился на кладовщицу:

- Мне, это, накладную надо забрать, переделывать там!

Алексей Семенович злобно указал пальцем себе за спину в сторону офиса базы.

- Да чего там переделывать-то!? – выпучилась на него кладовщица.

- Ой, да неси, давай, не нервируй меня! – Алексей Семенович смачно плюнул бычком в тут же стоявшую урну, в знак весомости своих слов. Снова подмигнул мне.

- На кого это ты так, Алексей Семенович? – кивнул я в сторону офисного здания.

- Ой, да! – махнул зло туда же он. – Прррраститутки! Понабьют накладных, сами не знают что, потом переделывают!

- На! – выплыла кладовщица из дверей склада, сунула накладную в замотанную тряпкой руку Алексея Семеновича. – Иди, чтоб глаза мои тебя не видели!

- О! Это другое дело! – приподнял тот кепку. – Благодарю!

- Иди уже, - буркнула тетка, нацепила очки на нос, глянула в нашу накладную.

Прощаясь, Алексей Семенович махнул мне рукой, я ему; тот попрощался с отцом и, зажав в левой, перемотанной тряпкой руке накладную, скрылся в том же направлении, откуда явился. «Прррраститутки», - донеслось приглушенно чуть погодя с той стороны. Я, сидя на коробке порошка, снова прыснул в руку.

Алексей Семенович был персонажем крайне интересным. Первый раз я его увидел примерно с год назад. Чудаковатый, он вел себя вызывающе бойко, много шутил, острил, часто на грани приличия, особенно с работницами «Оптторга», а иногда и за гранью. Был Алексей Семенович невысок - под метр шестьдесят пять, сух и жилист, с по-старчески сморщенным лицом и крепкими трудовыми руками. Ходил он всегда в кепке, будто даже в одной и той же, из-под которой во все стороны выбивались такие же шальные, как его действия и характер, курчавые волосы. Штаны у Алексея Семеновича будто бы тоже были одни. Менялись по сезону только куртки. Зимой им носилась замызганная старая дырявая дубленка, осенью и весной легкая ветровка, а летом рубашки. Их у Алексея Семеновича было две. Плотная темная в клетку носилась в прохладные дни лета и в остальные сезоны под куртками. Легкая светлая носилась в самые жаркие дни лета с закатанными по локоть рукавами и широко расстегнутым на груди воротником. Папиросу Алексей Семенович вынимал изо рта, наверное, только когда спал, ел и разговаривал. В последнем случае не всегда. Матерился Алексей Семенович густо и колоритно и, как не странно, не противно. Даже тем, кого он материл. Кладовщиц Алексей Семенович склонял прилюдно, девушек-менеджеров из офиса за глаза. Но на личности не переходил, отделяясь безличными обобщениями. Кладовщицы краснели, теряли дар речи, от чего Алексея Семеновича несло сильнее. Эпатировал публику он с удовольствием, и все выкрутасы сходили с рук. Никто никогда не жаловался на Алексея Семеновича. Его не штрафовали, ему не выговаривали. О том, чтобы выгнать с работы, не шло и речи. Алексей Семенович был неприкасаем и производил впечатление юродивого при фирме. Почему ему все было дозволено? Может оттого, что работу свою он выполнял максимально хорошо и честно? Алексей Семенович был трудягой. Он не отлынивал, не искал легких путей. Все, что поручалось, выполнялось им точно и без промедления. А поручалась работа самая нудная и тяжелая из всех, оттого и желающих занять его место не было. Алексей Семенович был водителем-экспедитором. Машина, на которой он возил товар по клиентам, была ему под стать – старый чадящий и тархтящий «ГАЗ-53» с самодельной будкой, размалеванной рекламой фирмы с большой надписью по диагонали «Оптторг». Машина пребывала в предсмертном состоянии. Мне казалось, чтобы перемещаться на ней в пространстве, нужно было знать некий магический секрет – Алексей Семенович его знал. «Газон» заводился с трудом, бился в судорогах оборотов, фыркал, изрыгал из дырявой выхлопной трубы черные бензиновые клубы, а на переключение передач соглашался лишь после дикого скрежета шестеренок в коробке. «Пепелац», - окрестил я сразу про себя этот самодвижущийся кусок железа.

Катаясь на «газели» по городу, мы почти ежедневно встречали эту машину. Увидев нас, «пепелац» начинал сигналить, из окна высовывалась рука экспедитора и яростно нас приветствовала. Мы отвечали тем же. Алексей Семенович работал один и успевал везде. Товар он загружал сам. Грузчики на складах «Оптторга» лишь подносили коробки на край будки, дальше уже Анатолий Семенович укладывал их сам. Выгружал товар он тоже сам. И так каждый день. Четыре тонны, туда-сюда. Я удивлялся, откуда в этом сухом мужичке столько сил. Он успевал все – и работать, и шутить, и ругаться.

В субботу утром 19 июля я оказался в машине Эдика, вчетвером мы ехали за город купаться на озеро. Оставив машину в ближайшем поселке, по тропинке пошли к пляжу. Инна вся светилась, беспрестанно улыбалась и поглядывала в мою сторону. При дневном свете девушка Эдика оказалась еще страшней. И с мозгами тоже была беда, девушка не закрывала рта и смеялась невпопад. Я и Инна отмалчивались, Эдик же виновато краснел. Будто примериваясь, Инна то держала меня под руку, то пыталась поймать мой взгляд в цепкие силки своих черных глаз. Ее внутренняя сила меня пугала. Я глянул на Инну, она улыбнулась и сжала пальцами мой локоть. Я ответил вымученной улыбкой.

Найдя тихое местечко на берегу озера, расположившись и расстелив одеяла, мы принялись нежиться под лучами солнца. Девушка Эдика все вещала в режиме «радио». Я делал вид, что слушаю ее, Эдик тоже, Инна даже не пыталась. Належавшись вдоволь, я и Инна пошли купаться. Я зашел в воду по грудь и обернулся. Инна стояла по бедра в воде, верх купальника совершенно не мог сдержать ее форм, от которых я старательно отводил взгляд. Прищур черных глаз внимательно наблюдал за мной, и едва мой взгляд упал на грудь, Инна улыбнулась. Я смутился. Через несколько минут мы уже плыли вместе – руки Инны обвивали мою шею сзади, и я слышал ее дыхание. После мы вновь оказались друг напротив друга по пояс в воде, и я задал простой вопрос.

- Мы расстались с ним, - ответила Инна, ничуть не смутившись.

- И давно?

- Около месяца назад.

- И по чьей инициативе?

- По моей, - произнесла Инна и с вызовом глянула на меня. Мне было безразлично и потому я не смутился, а лишь улыбнулся. Инна сказала, что Сашка много пьет и вообще парень не надежный, а она хочет нормальных отношений, семью, детей... Диалог зашел в логический тупик, и я предложил вернуться на берег.

Остаток дня прошел в жарке и поедании шашлыков. Внимания Инны ко мне было неявным, но тотальным. Это вызывало смешанные чувства: мое мужское самолюбие было довольно и сладострастно облизывалось при виде форм девушки; мозг подавал сигналы о том, что никаких чувств к Инне я не испытываю и напоминал о ее твердом и решительном характере. Я застрял на таком распутье, устал думать и решил пустить все на самотек.

Август мне напомнил лишь об одном – с начала истории с собственным бизнесом ни я, ни отец, так ни разу не имели отдыха в общепринятом формате отпуска. Поначалу у нас были свободные дни, но это другое. Единичные дни отдыха не дают психологической разгрузки, это как сон урывками, сумма которых не замещает целое. Ментально мы были всегда в работе, круглосуточно. Меня это не заботило, я горел работой и все, что делал, я исполнял с желанием и удовольствием. Интенсивная работа незаметно украла очередной август, а с ним и целое лето. Торговые обороты росли. В офисе «Арбалета» прибыло. В напарники флегматичному менеджеру добавился Илья – такой же внешне неприметный, уже лысеющий русоволосый парень лет под тридцать. Вел он себя скромно, но постоянно бегающие глаза новенького меня смущали.

Инна продолжила наступление – на следующей неделе мне позвонил Эдик и предложил той же компанией посидеть в кафе в центре. Из любопытства я согласился, и в субботу вечером мы встретились у кинотеатра. Инна выглядела шикарно. Она применила

самое эффектное сочетание себя и одежды – смуглая кожа и совершенно белое короткое облегающее платье. Без рукавов с максимально большим и при этом все еще приличным вырезом на груди, платье обтягивало талию и плоский живот Инны, уходя вниз по дуге широких и налитых бедер и сходясь и заканчиваясь к их середине. Нижний край платья был оторочен волнистой лентой, придававшей платью некую воздушность. Сходство фигуры Инны с формами Софи Лорен в лучшие годы поражало. Инна смотрела на меня тем же внимательным прищуром и широко улыбалась. Смоляное каре с челкой обрамляло ее лицо. Мы пошли по полному гуляющих проспекту, и Инна уверенно взяла меня под руку. Девушка Эдика продолжала нести херню, слушал которую только он сам. Я иногда поддакивал, Инна же предусмотрительно шла с противоположной стороны. Через полчаса мы оказались в уютном кафе на открытом воздухе, и вместе со всеми я заказал себе пиво. Жара. Вышло автоматически. Я знал, что пиво вызовет боли в желудке почти сразу. Зачем заказал? Стадное чувство. Сам дурак. Я и Эдик закурили. Разговор зашел про алкоголь. В первой же фразе Инна заявила, что никакой алкоголь ее вообще не берет. Я удивился, но Эдик, наспех прожевав горсть соленого арахиса, горячо подтвердил слова Инны.

- Я могу пить шампанское, но просто не люблю его. Водку без проблем. А вино на меня вообще не действует. Мы как-то с одним знакомым пили на спор, выпили на двоих семь бутылок вина, так мне его тащить пришлось. Он вообще был никакой, а я трезвая, - пояснила та, продолжая обстреливать меня взглядами и одаривать улыбками все больше.

- Круто! – выдал я. – Можно пить на спор с кем хочешь!

- Так я так и делаю, - улыбаясь, ткнула меня игриво под столом ногой Инна.

- Зарабатываешь что ли этим? – засмеялся я. – Шучу.

- А никто не верит, иногда лезут пить на спор. Я не отказываюсь. Их всегда потом уносят, а я трезвая остаюсь. Может еще по пиву? – Инна покрутила в руке пустой бокал.

Эдик оживился и поддержал предложение. Едва согласился и я, как заныл желудок.

Мы вышли из кафе в одиннадцать. Проспект кишел людьми. Инна взяла меня под руку и расчетливо ускорила, создав отрыв от второй пары. Сзади прозвучала сальность от Эдика, но Инна ловко отшутилась. Она так уверенно и со знанием дела держали меня под руку, что я ощутил себя кроликом рядом с удавом. Между нами начался разговор. Я продолжал поглядывать в вырез платья Инны, та все замечала и одобрительно улыбалась. Смуглая высокая брюнетка в облегающем белом платье в жаркий летний субботний вечер на центральной улице города – она шла походкой от бедра, цокая шпильками по тротуару и держа со счастливым видом под руку парня, у которого внизу грудины запульсировала тупая боль. Я выругал себя мысленно последними словами за пиво и соленые орешки, при этом поддерживая беззаботный и непринужденный вид. С каждым шагом он давался мне все труднее. Я закурил. В желудке что-то застряло урчало и не уходило ниже. От ноющей боли меня прошиб пот. Я глянул на Инну. Та искрила обаянием. Я улыбнулся как можно естественнее, даже почти рассмеялся. И тут время замедлилось. Мне начало казаться, что мы не идем, а едва плетемся. Вечер стал бесконечно долгим. Дальше – как в тумане. Мы дошли до гостиницы, простились с Эдиком и его курицей, сели вдвоем в такси. «Хорошо, хоть живем в одном районе – подумал я, едва Инна назвала адрес. – Довезу, отпущу такси, домой пойду пешком». От желудка начало подкатывать к горлу волнами. Держа меня за руку, Инна прижималась бедром и что-то говорила. Боли в желудке все сильнее туманили мое сознание. Я отвечал односложно, сквозь мучительную улыбку. Наконец-то приехали.

Я выбрался из такси, из-под горла слегка откатило, а боль в желудке стала невыносимой. Будто кто-то проткнул желудок шилом и ворочал им там убийственно монотонно.

- Зайдешь, чаю попьешь? – раздался голос Инны.

«Попробую залить чаем, может, полегчает», - подумал я и согласился.

Пока лифт мерными стуками отсчитывал шесть этажей, Инна смотрела на меня как кошка на сметану. Зашли в квартиру. Инна ловко спровадила меня в зал, посреди которого стояла большая двуспальная кровать. Изжога разъедала желудок уже невыносимо.

- Инн, у тебя есть сода? – произнес я.

Та, не сразу поняв, о чем я, выскочила на кухню. Пытаясь хоть как-то расслабиться, я машинально лег на кровать. Под горло накатило с новой силой, спёрло дыхание, во рту собралась слюна. Меня снова прошиб пот, я ощутил легкую панику, закрыл глаза и стал дышать как можно ровнее. Изжога свирепствовала. Слюна заполняла рот, я сглатывал ее, но слюна тут же выделялась вновь. Надо было уходить, как можно скорее.

- Нет, соды нет, - вернулась Инна.

Я открыл глаза. Она стояла надо мной – смуглая высокая брюнетка в облегающем белом с большим вырезом и дышащими налитыми грудями. «Напрасно я завалился на эту кровать», - сообразил я, но поздно. Инна присела рядом и подалась вперед, нависла надо мною, взяв за руку. Меня дико мучило, давление изнутри нарастало. «О, только не это!» Инна наклонилась и поцеловала меня в губы. Я не отпрянул, но и не подался вперед. Меня снова прошиб пот. Желудок дернул спазм, давление изнутри подперло горло. Я сглотнул. Еще раз. Тошнота отступила из-под горла на какие-то миллиметры. Я был на грани.

- Слушай, Инн, мне что-то не хорошо, желудок схватило, ужасно себя чувствую, - сказал я, сев на кровати и стараясь не смотреть ей в глаза. – Я, наверное, пойду домой...

- Ну да, раз болит, то конечно иди. Не мучиться же тебе тут...

Прощание вышло скомканным. Я промычал извинения. Инна деликатно кивнула. Я с трудом напялил ботинки, проямлил «пока» и вышел на лестничную площадку, вызвал лифт. Внизу заскрежетало и поползло вверх. Я обернулся. Инна стояла в двери и смотрела на меня взглядом, который лучше не описывать. Я коряво улыбнулся. «Да едь ты быстрее, кусок говна!» Наконец двери отворились, я торопливо улыбнулся, кивнул Инне и скрылся от ее жгущего взгляда в лифте. Снова дернуло горло. Я еле сдержал позыв, задышал чаще. Наконец, первый этаж. Я вышел на улицу, вытер со лба пот и глянул на часы – второй час ночи. Темно, кругом никого. Я расслабился, боль притихла и тяжесть отступила. Я пошел домой. Один двор, второй. Автобусная остановка. Киоски. Перейдя дорогу, я зашагал по грунтовой тропинке, увидел одинокий кустарник, понял – больше не сдержусь, в два шага преодолел расстояние до него и наклонился. Меня вывернуло наизнанку будто от самого паха. Ноги сразу стали ватными, тут же всего прошиб пот, я обмяк. Разом кончилось все – невыносимый огонь изжоги, изматывающая боль желудка. Я медленно выпрямился, стер испарину со лба и неспеша зашагал блаженной походкой. Спал я как убитый.